

– Ой, скорее бы, – всхлипнула мать, – когда только ему, окаянному, конец буде?

– Будет, мамаша, обязательно будет.

В окно постучали.

– Лейтенант Вегеря, к командиру.

– Ну, бывай здорова, мамаша.

– Да спасёт вас Бог, ридненькие мои, – перекрестила обеих мать.

Когда за гостями захлопнулась дверь, Петька видел, как засуетилась мать, шаря глазами, куда бы спрятать солдатский свёрток и, видимо не найдя более надёжного места, сунула его в старый Петькин сапог. Потом она принесла топор, выломала в печке кирпич дымохода и выдвинула из-под скамейки ведро с глиняным раствором. Ведро с глиной у неё было всегда наготове, печка дымила постоянно, и матери часто приходилось лечить её от этого недуга.

Мать опустила свёрток солдата в раствор, затем сунула в дымоход и заложила отверстие кирпичом...

– Петро, ты спишь? – спросила она, надевая фуфайку.

– Сплю, а что?

– Вставай, сынок. Я ухажу к бабе Марье. Пойдём в Ялты, может быть, что для еды выменяем...

Петька вскочил с постели и бросился к окошку, наблюдая, куда пошла мать, а затем подошёл к свежезамазанному квадрату дымохода. Его разбирало любопытство: а что в свёртке? Вдруг это очень важные документы, а мать забудет про них и они сторгнут?

Петька подобрал с пола щепку, прочертил квадрат на свежей глине, и без труда вытянул кирпич.

В свёртке было два комсомольских билета, орден и две медали. Впервые Петька держал в руках боевые награды, и поэтому, видимо, сердце его колотилось от волнения и тревоги.

«Нет, мать выбрала неподходящее место, – решил Петька, – надо перепрятать».

Он снова вставил кирпич на прежнее место, затёр глиной трещины, чтобы мать не догадалась, и что-то стал шарить в чулане. Его внимание привлёк глиняный горшок с разбитым краем. Когда-то мать вытапливала в нём свиное сало. Он покосился на печку. Надька спала. Затем, выскоблив из горшка остатки сала, Петька смазал им медали и орден. Свёрток он уложил на дно горшка, пригоршнями из ведра зацепил глины, доверху наполнил горшок и проворно юркнул с ним во двор.

Надька

Где-то за селом ухали орудия, то и дело «рычал» немецкий пулемёт, и совсем отчётливо доносился гул танков и самолётов. Петька вышел из конюшни, тряхиная со штанов землю. Он был доволен, что перехитрил мать. Теперь этот свёрток сам Гитлер не разыщет.

– Пе-тро-о! – вдруг услышал он голос Надьки. Он подошёл к окошку и увидел, как, расплывшись нос, Надька уставилась на него сквозь подслеповатые стёкла.

– Смотри, Петька, сколько войску идёт.

Мимо хаты колонна за колонной торопливо двигались на восток части нашей армии.

Моросил мелкий-мелкий февральский дождь, и

неглубокий снег становился ноздрястым, как сахар. На дороге буксовали полуторки, надрывались измученные лошади, волоча орудия, кухни, сани. Колонна прошла через село, превратив дорогу в сплошное разжиженное месиво чернозёма и снега.

– Отступают, – вздохнул Петька, заходя в хату. – Значит, скоро опять нагрянут немцы. Ох, до чего ж они надоели, сволочи. Особенно эти проклятые эсэсовцы.

Кому-кому, а Надьке эсэсовцы хорошо знакомы. Когда немцы драпали из села, один из них долго издевался над её матерью, а потом выстрелил ей из пистолета в рот. Другой подпалил хату... С тех пор Надьку и приютила Петькина мама.

Как радовалась Надька, когда Новая Ивановка была освобождена. Как радостно вместе со всеми встречала она советских бойцов. Думала, что немцев прогнали навсегда. И вот на тебе, красноармейцы опять почему-то отступают.

От неожиданного взрыва Петька и Надька вздрогнули и присели на пол. Затем последовал второй взрыв, третий. Дико заржала раненая лошадь, и вскоре всё село задрожало от сплошного гула немецких бомбардировщиков.

– Петро, а, Петро! – полушёпотом прямо в ухо тараторила Надька.

– Чего тебе? – буркнул Петька.

– Пойдём сходим за мостик. Говорят, несколько машин и повозок разбило.

– Ну и что? – равнодушно сказал Петька.

– Как это что? Говорят, в машине мука есть, наберём хоть маленько.

– Значит, у своих воровать? – строго посмотрел Петька на подругу. – Ты за кого меня принимаешь?

Надька опешила. Взгляд у Петьки был такой злой, что казалось, вот-вот он даст по уху.

– Ты с ума сошёл. Воровать? – обиделась Надька. – Да разве это воровство, если наша мука попадет к нашим? А немцам попадёт, лучше будет?

Это, видимо, показалось Петьке убедительным. Он набросил на себя полушубок и потянулся, широко зевая, за шапкой.

– Ты, Надька, прямо молодец. Жаль только, что девчонка. А так все данные у тебя для мальчишки. Давай собирайся и пошли.

Надька на ходу сунула Петру картофельную лепёшку, взяла небольшой мешочек и торопливо побежала следом за Петькой.

Их внимание привлёк конский топот. Затем оба вздрогнули от неожиданного, сильного взрыва. Прямо на них со стороны хутора Ялты мчался конский эскадрон. Несколько всадников рысью неслись к ним через огороды.

Около хаты один из всадников осадил взмыленного коня и спросил:

– Эй, хлопец, далеко до леса?

– Километров пятнадцать, не так уж много.

– Для нас это очень много, – прищёлкнул языком боец, дёрнул за поводья и поскакал. И вдруг впереди коня взметнулся чёрный столб.

Петька и Надька как по команде присели и зажмурились, будто от страха достаточно было закрыть глаза, как это делают совсем маленькие ребята.

Пока они сидели, плотно прижавшись друг к

другу, взрывы раздавались совсем рядом, и Петька решил, что дольше оставаться здесь опасно.

– Идём в сени, – не сказал, а крикнул Петька, и, дёргая Надьку за рукав, первым на четвереньках метнулся по шаткому крылечку в дверной проём. Отсюда они увидели, что боец, который только что разговаривал с ними, неподвижно лежал, распластав руки, а смертельно раненная лошадь изредка приподнимала голову и как-то жалостливо ржала, будто призывала на помощь. Видно было как поблёскивают её большие влажные глаза.

Петька проглотил застрявший в горле комок и поглядел на Надьку. Она тихо всхлипывала и ладонью вытирала заплаканные глаза.

– Ты что это?

– Жалко.

– Лошадь или бойца?

– Обоих жалко.

– Видишь, Надька, лошади – и то умирать не хочется. А людей сколько гибнет каждый день...

Петька замолчал и перевёл взгляд в другую сторону.

– Смотри, смотри, Надька, – неожиданно закричал Петька, услышав грохот. – Танки! Чьи это? Вот ещё один из-за пригорка выполз...

– Не наши ли? – с надеждой прошептала Надька.

– Нет, Надька. На наши не похожи... Бежим скорее вон в тот окоп...

Взявшись за руки, Петька с Надькой пустились во весь дух и кубарем скатились на дно окопа.

Лицом к лицу

Петька видел, как отряд, двое из которого только что были в хате, остановился, на какое-то время замер. Затем из саней и машины выскочили бойцы и схватились за оружие.

Из-за пригорка вынырнул третий танк, затем бронетранспортёр и ещё бронетранспортёр. Из них выскочили немецкие автоматчики и стремительно двинулись цепью.

Сопротивляться было бесполезно. Горстке наших бойцов противостояли около восьмидесяти автоматчиков и три танка, которые угрожающе разрачивали башни.

И всё же отряд начал бой, ошеломив фашистов своей дерзостью. Каждый понимал, что жизнь на волоске, и не хотел отдавать её дешево.

– Приготовить гранаты! – крикнул капитан Шабанов, присев с автоматом у колеса машины. Рядом с ним тоже с автоматом залегла Тося. Она озиралась по сторонам, стараясь увидеть, где Фёдор. Минут пять назад, когда они начали подниматься на пригорок, дорога вдруг раздвоилась и пошла влево. Шабанов послал Фёдора разведать, куда ведёт дорога. Но только Фёдор спустился в балку, как вдруг появились немцы. «Далеко ли ты ушёл?» – думала Тося. С секунды на секунду Тося в страхе ожидала его появления. Вот сейчас выйдет из балки – и всё пропало. Хотя бы он провалился на это время в снег.

Немцы уже были в сотне метров и кричали:

– Рус, хенде хох!...

– Хенде, хох!...

– Гранатами, – крикнул Шабанов, – огонь!...

Один за другим взметнулись чёрные столбы,

раздались крики, стоны и длинные очереди из автоматов.

Более десятка фашистов остались лежать на снегу, остальные яростно бежали вперёд, рассеивая из автоматов смерть.

Силы наших бойцов таяли. Гранат хватило на три-четыре броска. Уже раздавались pistolетные выстрелы и короткие очереди из автоматов. Патроны берегли и били только наверняка.

Но выстрелы с нашей стороны слышались всё реже и реже. А через десять минут этого страшного неравного боя всё было кончено.

В первые же минуты были убиты врач Оксана Диденко и писарь Юлия Осокина. Они пытались уползти в балку, но были настигнуты пулями.

Дольше всех отстреливалась из-за машины Тося Потапова и капитан Шабанов. Немцы обступали смельчаков со всех сторон, но от меткого огня Тоси и капитана падали один за другим. Это ещё больше распаляло злобу гитлеровцев, и они выпускали в сторону искалеченной полуторки бесконечные очереди огня, бросали гранаты и кричали:

– Рус, капут!

– Хенде хох!

Но стоило им подняться во весь рост, как из-за машины снова раздавались очереди из ППШа. Но вскоре они замолкли совсем. Диски были пусты.

Капитан Шабанов выхватил из кобуры pistolет, но вдруг сжался и осел. Пуля фашиста тяжело ранила отважного русского офицера. Он повернулся к Тосе, хотел что-то сказать, но не смог. Слабеющим движением он бросил Тосе pistolет.

Тося отстреливалась из своего pistolета, а когда в нём не осталось ни одного патрона, схватила pistolет капитана. Один, два, три, четыре выстрела... Она направила pistolет на метнувшегося к ней танкиста, и в это время подбежавший сзади фашист ударил её прикладом по руке... Pistolет выпал и отлетел куда-то в сторону.

Тося в живых осталась одна. Впрочем, нет, не одна. В это время капитан Шабанов очнулся, зашевелился и застонал. К нему тут же бросился щупленький немец. Выхватив нож, он саданул с размаху в глаз, затем вырезал капитану на лбу звезду. Потом рванул его гимнастёрку и вырезал звезду на груди.

Капитан был жив. Единственным глазом он уставился на фашиста. И тот не выдержал ярости и презрения, брызжущих из его синего зрачка. Гитлеровец снова взмахнул ножом, и угас навсегда этот синий осколок ясного неба...

Разъярённый фашист бросился с окровавленным тесаком к Тосе, но подоспевший офицер оттолкнул его. Ухмыльнувшись, он смерил Тосю оценивающим взглядом и что-то сказал обступившим его солдатам. Те дико захохотали, и Тося поняла всё.

Офицер-танкист грубо потащил Тосю за машину, и Тося долго сопротивлялась, понимая его намерение. Собрав все свои силы, она резко толкнула эсэсовца в грудь. Офицер отлетел в сторону, но не удержался на ногах. Это вызвало у него приступ ярости. Рванув из-за пояса pistolет, он резко схватил Тосю за волосы и наотмашь ударил рукояткой по голове. В глазах Тоси сверкнул огромный сног искр, а в ушах раздались слова матери:

– По смерти ходишь, а о кудрях думаешь...

Со всех сторон к ней бегут мать, Бориска, Федя и капитан Шабанов...

И... ти-ши-на...

Всё оглохло. Всё потемнело. Всё провалилось...

С криками и хохотом фашисты спешно расселись по машинам, любуясь, как ветер разносит вокруг документы разгромленного ими штаба. Никто из них не заметил, что недалеко, в одном из окопов, прожигали фашистов ненавидящим взглядом два украинских подростка.

Это были Надька и Петька. Пока они добежали до окопа, трагедия, разыгравшаяся в балке, уже подходила к концу. А когда офицер потащил Тосю за машину, Надька вцепилась пальцами в свои щеки и, вытаращив глаза, застыла.

– Надька, не смотри! – прикрикнул на неё Петька. Но Надька, казалось, не слышала его. Она неподвижно смотрела в одну точку, и ногти её ещё сильнее впивались в щеки.

– Кому сказал! – крикнул Петька и прижал голову Надьки, навалившись на неё всем телом. Затем он стащил её на дно окопа, крепко обхватив руками, словно Надька могла вырваться и броситься к немцам. Но Надька уткнулась в Петькино плечо и беззвучно заплакала, вздрагивая и дрожа, словно коченела от мороза.

От бессильной злобы плакал вместе с ней и Петька.

Один

Давно уже отгремели выстрелы, рёв немецких танков и бронетранспортёров, а Фёдор всё ещё неподвижно лежал в снегу, под небольшим кусточком.

«Видно, и на этот раз моей пули не было, – угрюмо подытожил Фёдор, – всё произошло так внезапно, что, пожалуй, никто не успел опомниться».

Фёдор вспоминал: когда они выехали из Ново-Ивановки и стали подниматься на пригорок, он пошёл разведать, куда ведёт раздвоившаяся дорога. Она бежала в сторону небольшой лесопосадки, и только Фёдор поравнялся с ней, как послышался рёв моторов, затем выстрелы.

Федор был метрах в пятистах от дороги, в низине, потому он и оказался вне поля зрения фашистов. В том, что их отряд напоролся на немцев, у него не было никакого сомнения.

«Тося... Что будет с ней? ... – резанула по сердцу боль, и на какой-то миг Фёдор вроде обмер. Сгоряча он выхватил пистолет и метнулся к своим, на подмогу. Но, вбегая на пригорок, поскользнулся, упал на раненое плечо и потерял сознание...»

Под вечер заморозило. Фёдор заметил это по бушлату. Промокнув от дождя, он залубенел и издавал шорох даже при лёгком движении, а желание двигаться сейчас было самым неистребимым. Фёдор попробовал пошевелить пальцами ног, но ничего не получилось. Он не чувствовал их. Ему казалось, что и тело его за эти несколько часов так же, как и бушлат, покрылось ледяной коркой и что если он сейчас попытается встать, то не сможет этого сделать. К тому же сильно ныла раненая рука, перевязанная утром Тосей.

С трудом Фёдор поднялся, хотел шагнуть, но ноги не слушались. Он сел и правой рукой начал сгибать и разгибать одеревеневшие ноги. Правую,

левую, вверх, вниз... Но не помогли и эти упражнения. Тогда Фёдор упал на снег и пополз. Твёрдая корка наста, прорезаясь под локтями, издавала громкий хруст, словно кто-то разрезал кочаны капусты. Фёдор всё полз, полз и полз.

Небо было ясным, звёздным. Невдалеке виднелись очертания нескольких хат. Оттуда ветерок доносил запах дыма. А вокруг такая тишина. Такая жуткая тишина, что он подумал: «Не оглох ли?»

От напряжения Фёдор почувствовал, что спина покрывается потом, а пальцы ног зашевелились. Он полз на бугорок, за которым утром скрылся от глаз немцев, и в метрах тридцати от себя увидел на снегу длинное тёмное пятно. Он подполз ближе. Перед ним, раскинув руки, лежала женщина в полушубке. Юля Осокина! Как часто шутила она о том, что ей уже двадцать лет и что, когда кончится война, будет настоящей старухой.

«Эх, Юля, Юля, – вздохнул Фёдор, – вот и осталась ты молодой навсегда».

Остальные лежали в различных позах, но большинство вниз лицом.

Федор пополз мимо них, к машине, где, по его предположению, должна была быть Тося. И не ошибся, это была она. Нет, не она. Он заглянул в лицо и отшатнулся. Вместо глаз зияли два тёмных шрама. Фёдор зажмурился и боялся открыть глаза. Краешек месяца выглянул из-за облаков и осветил это мёртвое поле, словно хотел показать Фёдору чёрное дело фашистов. И Фёдор посмотрел. Посмотрел бесстрашно, во все глаза, чтобы запомнить навсегда, чтобы мстить фашистам до последнего своего вздоха.

– Прощай, Тося! – прошептал Фёдор. Он приложил ладонь к её застывшим губам, рука ощутила на подбородке Тоси родинку, её милое родимое пятнышко, которое так нравилось ему. Фёдор невольно вспомнил, как однажды, уходя на задание, он прощался с Тосей, как она смущённо краснела, когда он поглаживал её руку своей ладонью. На прощанье он хотел было её поцеловать, но Тося отвела лицо в сторону, и Фёдор неловко ткнулся губами в её подбородок, прямо в родинку...

Вдруг Фёдор услышал шорох. Он прижался к колесу машины и замер. Шорох слышался всё ближе, всё отчётливее. Фёдор выглянул и увидел, что около убитых, полусогнувшись, кто-то ходит. «Кто бы это? – подумал Фёдор. – Может кто-то из сердобольных сельчан не выдержал и пришёл на всякий случай. Вдруг да кто-нибудь чудом уцелел?» Фёдор уже ясно различал силуэт женщины, чем-то походящий на изображение смерти. Она подходила то к одному убитому, то к другому, шарила и что-то совала в мешок...

Фёдор рванул кобуру, и рука коснулась ледяной рукоятки пистолета.

Вот женщина остановилась недалеко от Фёдора и, схватив убитого за ногу, силилась стянуть с него сапог.

«Неужели это раненый, и она хочет оказать ему помощь?» Но что такое? Она стягивает и другой сапог...

Фёдор заскрипел зубами, в кровь закусил губу и выстрелил наугад в темноту...

(Продолжение следует.)

Публикацию подготовила Раиса Кашкирова